

Содержание

Пролог. О любви как творческом порыве эволюции, и не только.....	7
--	---

Глава 1

Двое на шаре

Несколько слов о законах любовной гравитации.....	17
В начале было со-действие.....	23
Приятие других и себя — путь к преодолению одиночества	28
Учимся быть, а не иметь	33
По ту сторону «я».....	36
Чудо свободного дарообмена	40
Парадокс любви — единство неповторимости автономных «Я»	46
Кристаллизация любви.....	51
Тайна второй заповеди	57
Заражение любовью	60
Просто так!.....	63
Любовь с первого взгляда	67
Ставим жизнь на карту! Математика страсти, или Патематика любви от Мераба Мамардашвили.....	70

Глава 2

Протоколы по защите от любви

Контракт нечаянно нагрянет?.....	81
Кастинг по требованию.....	86
«Не могу себе позволить».....	95
По ту сторону Недеяния.....	102

Эта невыносимая роскошь любви.....	106
Любовь — незавершающийся гештальт?.....	113
Договор — «оберег»... любви?.....	120
Купидон без стрел: слова, не ставшие смыслами	122
Любовь — внутренний диалог на двоих?.....	127
Карениниана — между любовью и долгом	130
На стороне уязвимости.....	133

Глава 3

Сердце на Двоих — под ударами времени

Восьмое марта и куртуазный роман наоборот.....	143
«Путеводитель растерянных»	148
Нет ли повести печальнее на свете?.....	152
От значений к смыслам — психотерапевтические диалоги.....	155
Кого подкупила улыбка Моны Лизы?.....	159
Чувства напрокат?	163
Игры в личность.....	167
«Три очка за старичка»?..	172
Цифровое альтер-эго и чеховская Душечка.....	175
Красота — поверх барьеров.....	179
Идеализация Другого — преамбула любви.....	183
Мэтчинг службы знакомств — инструмент бегства от одиночества?.....	190
Осторожно, поцелуй! — или Любовь под гнетом стерильности.....	196
Простите, я — амуролог.....	204
Апология триединства любви от философа Владимира Соловьева.....	208
Секс — не повод для знакомства?.....	214
Не сексом единым. Тайна экзистенциального оргазма.....	220
Деление на двоих — это приумножение.....	225

Глава 4
Жестокий романс?..
Любовь между *быть* и *иметь*

Предают только преданные люди?.....	233
Остерегайтесь нарциссов! Комплекс полноценности.....	235
О трагедии между Нарциссом и Эхо.....	239
Любовь между безумием и благоразумием?	244
Безответная любовь: страх, трепет и могущество.....	250
«Двойная монархия» между любовью и насилием?.....	255
Души, зараженные аффектом Нелюбви.....	261
От чего умирает любовь? Проект «простого человека»	267
«Расширение сердца»: эликсир от «торжества незначительности»?.....	273
Человек, опоздавший на встречу с Самим Собой	280
Как равнодушие сокращает жизнь.....	283
Эмманюэль Левинас: Другой — не такой, как Я.....	285
Ален Бадью: во славу любви	290
Любовь в облаке смыслов	294
«Любовь-Нелюбовь» как петля Мёбиуса	297
В дни катастроф, в эпоху потери лица... ..	307
Дитя мое	312
Любовь — начало человечества?.....	314
Эпилог. Зачем любовь?	317
Книги для тех, кому больше всех надо	320
Предисловие к статье Дмитрия Леонтьева.....	324
Приложение.	
Дмитрий Леонтьев. Онтология любви: за пределами слова и чувства.....	325

Пролог.

О любви как творческом порыве эволюции, и не только...

...И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносильен.

БОРИС ПАСТЕРНАК

24 ноября 1859 года в одном из лондонских магазинов появился небольшой зеленый томик «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь». Его издатель хотя и считал странную теорию эволюции, изложенную в зеленом томике, полной чушью, но по каким-то неизвестным причинам верил в коммерческий успех предприятия.

И чутье его не подвело. Более тысячи экземпляров разлетелись за один день. Но автор, а его звали Чарлз Дарвин, с некоторым удивлением заметил: «Несомненно, что публику бесстыдно обманули! Ведь все подряд покупали книгу, думая, что это приятное и легкое чтение!»

Легко вообразу читателя, который возьмет в руки книгу под заголовком «Психология любви», а лишь потом заметит еще одну строку: «Загадочный дар эволюции».

Не исключаю, — он с ходу может предположить, что его попросту обманули, посулив очередной рассказ о превратностях любви. Но вместо увлекательных историй о сексуальных отношениях, волнующих всех и каждого, его явно направили куда-то не по адресу, причем направили весьма далеко — в какую-то эволюцию, что ассоциируется со сложными теориями и не устаревающими дискуссиями о происхождении видов.

Не буду рассеивать всех этих сомнений.

Уточню лишь, что историю об издателе Чарлза Дарвина я не выдумал, а позаимствовал из книги Веры Корсунской «Великий

натуралист Чарлз Дарвин». А рядом с этой книгой передо мной лежит небольшая брошюра, имеющая самое непосредственное отношение к пониманию эволюционного смысла родословной феномена любви. Авторы книги «Ошеломляющее разнообразие жизни» (1990) — Татьяна Чеховская и Рем Щербаков — подарили мне немало откровений.

Одно из них — рассказ об изумлении Чарлза Дарвина перед бесконечным разнообразием жизни, проявляющимся в различиях между видами. «Мне казалось, — писал Дарвин, дивясь разнообразию фауны на Галапагосских островах, — что я присутствовал при самом *акте творения*». Ассоциация классика теории естественного отбора с Библией, с сотворением жизни на Земле, вовсе не случайна.

Не случайно и то, что французский философ Анри Бергсон, мыслитель из более близкого нам XX века, вызываясь назвал свое произведение о созидающей роли различий в со-творении жизни «Творческой эволюцией». Мало того!.. Он заявил на весь мир, что в основе ошеломляющего разнообразия жизни на Земле лежит «жизненный порыв» (*élan vital*); творческий импульс — как движущая сила эволюции!

И сколь бы другие исследователи ни опровергали потом те или иные его утверждения, Анри Бергсон показал: в истоках всего живого были разветвления, искры которых давали импульс и сотворению жизни, и восхождению эволюции к сложностям биологического, социального и индивидуального миров, и нарастанию сложности жизни на нашей планете.

Анри Бергсон убеждает нас, что в основе эволюции был жизненный порыв. Для меня это утверждение чрезвычайно важно в наполненном самыми различными рисками повествовании о любви как даре эволюции. Я попробую лишь слегка перефразировать его исходный тезис о творческом импульсе эволюции и сказать так: *в начале эволюции была... любовь*.

И тут-то мне на помощь и приходит Борис Пастернак:

...И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносilen.

Эта формула из книги стихов «Второе рождение». Разгадку со-творения любви, как и разгадку жизни (не случайно поэт поставил то и другое рядом в этих двух строках), ищут и писатели, и биологи, и антропологи, и философы, и сексологи, и... даже психологи.

Весьма нетривиально еще вот что: и те, и другие, и третьи, сколь бы противоречиво они ни относились к Дарвину или Бергсону, сходятся в ряде немаловажных для понимания феномена любви моментов. Один из таких моментов, воздав хвалу Чарлзу Дарвину, выделяет эпатажный мастер философии различий Жиль Делёз: «...Великим нововведением Дарвина было *учреждение мышления об индивидуальных различиях*. Лейтмотив “Происхождения видов” таков: вы еще не знаете, на что способны индивидуальные различия... Индивидуальные различия... свободные, плавающие... сливаются в неопределенной изменчивости» («Различие и повторение», 1998).

Я же, прислушиваясь к Делёзу, в своем набеге на хоженую-перехоженую территорию истории любви попытаюсь показать, на что способны индивидуальные различия не только в развитии рода человеческого, но и в происхождении родства между всеми нами.

А потому оставляю в покое Жюль Делёза и обращаюсь к еще одному французскому мыслителю, современнику Делёза, не раз шокировавшему общественное мнение во Франции (да и не только в ней) философу и чуть-чуть психоаналитику Алену Бадью.

Через все исследования Алена Бадью, в том числе и в книге с наглым названием «Ален Бадью об Алене Бадью», лейтмотивом проходит мысль, что любовь — это *частное дело, раскрывающее каждому неповторимость его любви как всеобщего события на Земле*.

В любви, и только в любви для меня раскрывается и мир, и мое собственное «я».

Поражающий парадокс любви состоит в том, что в ней универсальное, всеобщее преобразуется в частное, принадлежащее мне, и только мне.

В этом Ален Бадью перекликается с моим учителем, всю жизнь любившим Францию, психологом Алексеем Николаевичем Леонтьевым, который без устали утверждал, что «психология — пристрастная наука»! И в этой пристрастной науке немало страниц уделено

любви, превращающей любое социальное событие в акт моей собственной, индивидуальной, неповторимой частной жизни. Именно любовь открывает для каждого из нас «личностный смысл» (*знание-для-меня* — по выражению Алексея Леонтьева) через призму борющихся между собой мотивов нашего поведения.

Именно любовь, повторяюсь, превращает любое холодное познание в окрашенное мотивами и страстями *личное знание* ищущего истину человека; или — «личностное знание» — если вспомнить произведение другого философа, Майкла Полани.

Подобные мысли оказались питательным раствором еще для одного популярного философа наших дней, корейца по происхождению, живущего и творящего в Германии. Его имя — Хан Бён-Чхоль. Этот философ (привлекший внимание многих наших современников) показывает, как охватившая весь мир *мания лидерства*, присущая эпохе чрезмерного позитива «общества достижения», растворяет любые различия людей и идей в гонке за унификацией. А когда стираются любые различия, любая инаковость — исчезает и животворная среда любви. Книги этого автора, в том числе «Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива» (2024) и «Агония Эроса. Любовь и желание в нарциссическом обществе» (2022), довольно быстро стали бестселлерами. Диагноз этого аналитика суров и драматичен — в наше с вами время происходит *агония любви в аду однообразия*.

Но, повторяюсь вслед за Жилем Делёзом, — вы еще не знаете, на что способна инаковость, *сцена для двоих*, на что еще способны индивидуальные различия и в эволюции жизни, и в эволюции общества, и в нашей с вами неповторимой судьбе.

• • •

«Модерн крепчает». Эту емкую формулу Сергея Довлатова вполне можно приложить к заполняющему полки книжных супермаркетов «психологическому фастфуду», безмятежно предлагающему в трудных жизненных ситуациях «избегать выхода из зоны комфорта» и сосредоточиться на достижении счастья за счет широкого репертуара сексуальных техник.

Но ведь любовь — это не про зону комфорта. В жизни часто соседствуют друг с другом Любовь и Нелюбовь. Если бы нашлись особые весы, на которых бы попытались взвесить Любовь и Нелюбовь, то не берусь сказать, какая бы из этих чаш перевесила в истории человечества.

Признаюсь, что почти каждый, кто наберется окаянства писать о Любви, изначально обречен на особого рода комплекс неполноценности. Сразу же оговорюсь, за одним исключением — за исключением «нарциссов». Ведь им вполне достаточно для этого заняться самонаблюдением и лишний раз испытать счастье самоликования от оного...

Любим же другим искателям смысла любви, в том числе и автору этой книги, исходно не повезло. Им придется терзать себя, понимая, что испить до конца чашу недосказанности в историях и загадках как Любви, так Нелюбви не сможет никто. Любая история о любви обречена быть недописанной.

Но все-таки не нарциссизм, а чувство своей неполноты и, если угодно, неполноценности является истоком жизненного пути многих из нас. И в этом проявляется то ощущение бытия, которое созвучно сюжету нашего разговора.

...Когда-то Александр Герцен подметил, что «Феноменологию духа» Гегеля надо «прострадать», чтобы ее постичь. Ну а феноменологию любви тем более.

Сколько поэтов, писателей, теологов, антропологов, философов, психологов и сексологов решалось *прострадать* феноменологию любви? И как часто они оказывались не только непонятыми и неслышанными, но и осмеянными.

Среди них немало тех заслуженных собеседников, чьи голоса любви звучат во мне. И поэтому наберусь окаянства пригласить и вас услышать эту полифонию, гармонию и дисгармонию Любви и Нелюбви.

Услышать и прострадать, заглянув в четыре эссе о любви как связи и вязи интимных взаимоотношений, порождающих наше неповторимое Я через Другого и порой, если повезет, рождающих то «Мы», которое порой именуют «We-Self» — «Мы-Самость».

Нельзя объять необъятное — а в моем почтенном возрасте и тем более. (Не случайно Игорь Губерман обронил когда-то строки: «Из органов секса остались у нас одни только глаза».)

Но глаза-то пока есть. И глаза, и эмоции — «глаза смысла». И они не помешают побеседовать о тайнах любви с придерживающимися самых разных точек зрения собеседниками, которые столько поведали о любви и нелюбви, что мало нам не покажется. И при этом они оказывались, как и положено пророкам, весьма часто неслышанными.

Никого не заставляю прислушиваться к их голосам. Но если кто-то пожелает оказаться соучастником моих диалогов о встречах с любовью, то в путь.

Глава 1

Двое на шаре

...Жизнь — это Вечное движение,
Не обращайтесь к Красоте
Остановиться на мгновенье,
Когда она на Высоте.
Остановиться иногда
На то мгновение — опасно,
Она в движении всегда
И потому она прекрасна!
Ах, только б не остановиться...

ВАЛЕНТИН ГАФТ. ФУЭТЕ

Сколько много страниц исписано об истории рода человеческого — намного меньше книг об истории человеческого Родства.

Не являются ли откликом на недостижимость евангельской мечты — «возлюби ближнего своего» — знаменитые строки: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте»? Оптимистичный аккорд прозрения меж семьями Монтекки и Капулетти столетиями опровергается братоубийственными войнами между племенами, этносами, классами, сословиями и народами.

Одно из произведений о любви моего названного брата и старшего друга писателя Владимира Тендрякова называется «Затмение». В нем Тендряков задает щемящий душу вопрос: «Если Он и Она веками не могут договориться друг с другом, то как же можно надеяться, что меж собой сумеет договориться Человечество?» Оно веками разрывается на Своих и Чужих, на эллинов и иудеев, на верных и неверных...

Но то же самое человечество не устает вопрошать о любви, молиться на любовь, поклоняться Афродите, Венере и Фрейе, богам свиданий и богам красоты.

Не случайно король экзистенциального и гуманистического психоанализа Эрих Фромм, решившийся написать научную поэму о любви «Искусство любить», по сути отвечает на этот вопрос: любовь — это искусство Быть, а вернее, труд и искусство Быть Человеком и Быть Человечеством.

Без любви как искусства быть человеком, любви как содействия становлению человечности в человеке распадутся и связь времен, и связь поколений, и та нить Родства между людьми, которая только и делает нас людьми, а не «вещами» или «тварями».

В мифологии Толкина один из героев задает магу вопрос: «Если я не исполню своего предназначения, то... я погибну?» «Куда хуже, — отвечает маг, — ты не погибнешь. Ты сгниешь».

Человечество не просто погибнет, а сгинет, если только не останется верным любви как искусству Созидания Себя через Другого и Другого через Себя.

Несколько слов о законах любовной гравитации

Как часто писатели в своих прозрениях опережают исследователей! К таким мастерам философских прозрений относится и Шекспир, заявивший: «Чем бы человек отличался от животного, если бы ему было нужно только необходимое и ничего лишнего?», и другой английский писатель и философ Гилберт Честертон, который рискнул определить грань между живым и неживым: «Все мертвое плывет по течению, против течения может плыть только живое».

И Шекспир, и Честертон своими метафорами предварили многие положения современных теорий живых систем.

Поэтому разговор о любви начну с предварительного обсуждения природы человеческой жизни.

Ведь любовь — предельное выражение жизни, в ней, как в капле, отражается вся духовная и душевная жизнь человека, она дышит по законам лучшего, что есть в нас.

Живые системы существуют в рамках гомеостаза. В самом общем смысле гомеостаз означает поддержание постоянства живой системы путем компенсации внешних возмущений собственными усилиями этой системы.

Живая система отличается от физической тем, что физическая система подчиняется внешним влияниям, а живая — даже в состоянии покоя активно им противодействует.

Людвиг фон Берталанфи определяет живые структуры как открытые целостности, существующие в потоке взаимодействия со средой и одновременно ухищряющиеся оставаться в почтенном удалении от равновесия с окружением. Только живое постоянно преодолевает спонтанное стремление к равновесию и удерживает себя в неравновесном, казалось бы, «неестественном» положении.

Жизнь, живая структура — феномен, «обреченный» на активное противостояние тому, что навязывается извне.

И человек, и человеческое общество — примеры подобных феноменов.

Если система значительно удалена от равновесия, то ее переменные подчиняются не однозначным, а более сложным нелинейным закономерностям. Одним из первых ученых, осознавшим важность этого факта, был выдающийся психофизиолог и мыслитель Алексей Ухтомский. Он обратил внимание на то, что именно нелинейные зависимости, допускающие множественные решения, присущи природе живых систем.

Более того, Алексей Алексеевич Ухтомский доказал, что поведение живого существа зависит не только и не столько от внешних воздействий, сколько от его собственной доминирующей направленности, его доминанты. Именно Ухтомскому принадлежит ошеломляющая по своей глубине идея: *природа наша делается*.

Собственной возможностью живой системы, определяющей ее прогресс, является особого рода готовность — готовность к выходу за рамки необходимого в обыденных условиях. Эта парадоксальная готовность к тому, чего не было никогда в прошлом, в науках о жизни получила название *преадаптация*.

Если адаптация — это приспособление к внешней среде, которое обеспечивает устойчивость в уже достигнутых условиях существования, то преадаптация — это готовность к преобразованию ждущих своего часа скрытых свойств, которые приобретают приспособительную ценность при столкновении с никогда ранее не встречавшимися обстоятельствами.

Адаптация всегда связана с теми или иными ограничениями системы, с подгонкой, подстройкой под изменения окружающей среды. В общественной жизни яркий пример адаптации — социальный конформизм, суть которого точно передается формулой Гёте: «А ты куда?» — «Туда, куда ведут». Ограниченность адаптации наглядно проявляется, когда условия жизни внезапно и резко меняются. В этом случае наработанный в прошлом репертуар реакций может оказаться не только бесполезным, но и разрушительным.

Любовь бесцельна,
безгранична, непостоянна,
не стремится к равновесию.
Мы, в рамках картин
мира, сводящих нашу
жизнь лишь к выживанию
и приспособлению,
никогда не сможем постичь,
зачем в жизни встречается
любовь.

Преадаптация — совсем другое дело. Она заражает систему устойчивостью, жизнеспособной пред лицом непредсказуемых воздействий. По сути, преадаптация наделяет систему бесстрашием перед резкими сменами привычного образа жизни.

Эволюционный смысл преадаптаций (как готовности к перевоплощению) состоит в том, что они «подталкивают» индивидов не плестись за средой, а самим активно творить ее новые формы. Именно этот поиск является источником прогрессивного развития жизни.

В психологии человека эволюционный смысл избыточности как источника форм неадаптивности раскрыт в широком спектре исследований Вадима Артуровича Петровского. Вадим Петровский прозорливо заметил: «Адаптивная мотивация активности — это мотивация дефицита; неадаптивная — избытка возможностей».

По сути, человек — это неутолимый искатель сред, через которые проходит его жизненный путь. Его свободный поиск новых возможностей ограничен лишь одной из величайших тайн, тайной нашего единственного и неповторимого предназначения.

Дальновидный Мартин Бубер, сложивший не один гимн во славу ценности человека, пишет:

«...Эта единственность и неповторимость как раз и есть то, что каждому поручено развить и привести в действие, ни в коем случае не повторяя деяний, которые уже осуществил другой, хотя бы и величайший».

Все без исключения живое характеризует постоянное сосуществование двух полярностей — взаимодействие с окружением и, одновременно, охрана собственной целостности и обособленности. При этом только живое способно к самосозиданию: каждое существо непрерывно трудится, воссоздавая самого себя как нечто отличное от окружения, выделенное из него. Люди наследуют это общее свойство любой жизни в полной мере.

И здесь самое время перейти от человека и жизни — к Любви.

Любовь как уникальная устойчивость на двоих, в каждом из которых их индивидуальности не исчезают, но при этом порождают

новую общность, — такова одна из главных преадаптационных способностей человека.

Она бесцельна, безгранична, непостоянна. И она не стремится к равновесию. Не случайно. Законы притяжения в любви отличаются от законов тяготения физических тел. Мы, в рамках картин мира, сводящих нашу жизнь лишь к выживанию и приспособлению, никогда не сможем постичь, зачем в жизни встречается любовь.

Когда говорят о «смысле» любви, иногда это слово понимают как английское meaning (значение), но тогда мы оказываемся в ловушке. Тогда мы не сможем понять, в чем состоит значение любви; я хочу подчеркнуть, что в законах рационального познания мира тщетно искать ответ на вопрос, «а зачем, ради чего» появляется феномен любви.

Но есть личностный смысл, который может быть переведен как personal sense. И мне важно заметить, что диалог о любви — это всегда диалог смыслов, а не диалог значений. Понимание этой вибрации слова «смысл» крайне важно.

Любовь есть переживание, которое позволяет человеку обрести устойчивость и сохранить собственную автономию в соединении с Другим, порождая в этом гештальте новое бытие и «преадаптируясь» к чему-то, чего еще *никогда не было* в мире. Таким образом, любовь — это готовность к преображению. И именно в этом качестве она связана со способностью к преадаптации.

Близкие к нашему пониманию любви мысли звучат у одного из самых загадочных философов XX века Мераба Мамардашвили:

«Представим себе, что мир был бы завершен, и к тому же существовала бы некая великая теория, объясняющая нам, что такое любовь <...>. Ведь ясно, что если бы это было так, то было бы совершенно лишним переживать, например, чувство любви.

Но мы же все-таки любим.

Несмотря на то, что, казалось бы, все давно известно, все пережито, все испытано! Зачем же еще мои чувства, если все это уже было и было миллионы раз? Зачем?! Но перевернем вопрос: значит, мир

не устроен как законченная целостность? И я в своем чувстве уникален, неповторим. Мое чувство не выводится из других чувств. В противном случае не нужно было бы ни моей любви, ни всех этих переживаний — они были бы заместимы предшествующими знаниями о любви. Мои переживания могли бы быть только идиотическими.

Действительность была бы тогда, как говорил Шекспир, сказкой, полной ярости и шума, рассказываемой идиотом. Значит, мир устроен как нечто находящееся в постоянном становлении, в нем всегда найдется мне место, если я действительно готов начать все сначала».

В начале было со-действие

Когда пишешь о любви, то самый большой риск, подстерегающий автора, — девальвация любви, подмена феноменологии любви вышесказанными скабрёзностями, слащавостями, выхолащивающими это чувство суррогатами или же играми во вселенскую любовь.

Избежать этого можно только пониманием того, что любовь — это неповторимая, одна на двоих, коммуникация, возникающая между людьми.

Любовь — это высшая форма со-действия. И когда я вторю за Бахтиным, Бубером и Сартром, что единицей развития существования является со-существование, когда я вслед за Ухтомским убеждаю: «В начале было Лицо Другого», — то говорю тем самым, что человечность — это и есть восхождение по лестнице со-действия. Выше и выше, вплоть до кульминации — возможности любить друг друга.

Сосуществование на основе взаимодополнения и обогащает каждого человека, и расширяет возможности развития сообщества в целом. Смысл и значение индивидуального разнообразия людей (так и хочется сказать «человеков») обнаруживается прежде всего в сотрудничестве и сотворчестве с другими людьми.

Именно культура совместности, или (как более точно говорят некоторые современные исследователи) «*жизнь сообща*», послужила одним из мощнейших драйверов при переходе от простоты к сложности.

Одна из главных загадок человека в том, что человеческая личность, с одной стороны, как никакое другое создание — это «мир в себе», тщательно охраняемый от вторжения других «я». С другой стороны, человек обладает способностью вступать в такой глубокий контакт с другими, при котором порой возникает взаимопонимание, поражающее воображение своим совершенством и законченностью.

Мало того, в таких контактах каждый не только реализует, но и находит, обретая свою опору в других, собственные возможности. Говоря словами Сергея Сергеевича Аверинцева, уникального филолога и культуролога: «[Любой человек] не может стать самим собой, не может вообще стать, не оттолкнувшись каким-то образом и от “родства”, и от “соседства”». Поэтому едва ли не главным достоинством личности является осознанное признание равноправности и ценности Другого.

Таким образом, прогресс и человека, и человечества связан с восхождением от обезличенности — к обретению неповторимого «я» в процессе социальных коммуникаций, полифонии сообщения и общения, *связи и вязы*, продуктом которых становится стремление к взаимопониманию, тяга к созданию общего пространства личностных смыслов.

С самого начала я хотел бы четко дать понять: любовь обитает исключительно в пространстве персональных отношений. Для меня наиболее близко постижение этого пространства такими мастерами диалогического персонализма, как Мартин Бубер, Эммануэль Левинас, Михаил Бахтин и Владимир Библер.

Для осмысления стиля этих мастеров так и хочется позаимствовать брошенное искрометным психологом Владимиром Петровичем Зинченко словосочетание «поэтическая антропология». Так же как Николай Васильевич Гоголь назвал свои «Мертвые души» поэмой, трактаты мастеров диалогического персонализма являются поэмами о загадках индивидуальных отношений на планете, названной Антуаном де Сент-Экзюпери «планетой людей».

И если сексуальные отношения порой можно описывать на языке рациональных понятий, то для того, чтобы поведать другим о диалогических персональных взаимоотношениях, в которых случается кристаллизация любви, приходится переходить на совсем иной язык — язык смыслов, идиом, образов и метафор.

Именно язык поэтической антропологии дарит нам шанс постичь любовь как смысловой орган (парафраз функционального органа Алексея Ухтомского) видения человека как не разбиваемой ни на какие осколки неповторимой «целостности для меня». Именно такая целостность, такой гештальт пронзительно приоткрывается в непостижимом феномене любви с первого взгляда.

Осторожность в любви —
это парадоксально,
ведь любить — значит
полностью отдать сердце
на волю стремлений,
отчаяния и желаний.

В любви с первого взгляда — «Ах, обмануть меня не трудно!.. Я сам обманываться рад!» — дает себя знать произвольная устремленность к ней. Отними у нас эту радость обманываться, и мы займемся расщеплением человека на осколки его индивидуальности.

Вся нелепость и абсурдность вечного дознания: «А за что ты меня любишь?» — как раз проявляется в том, что человека необъяснимо любят не за что-то, а *просто так*. И это ой как *непросто*.

Приведу один мучающий меня по сей день эпизод.

Однажды, когда я в одном из своих выступлений о Холокосте как катастрофе расчеловечивания сослался на исследование «банальности зла» замечательным мыслителем, героической женщиной Ханной Арендт, — шведский ученый вскочил как ошпаренный и закричал: «Как вы смеете осквернять трагедию Холокоста даже упоминанием имени этого человека! Она — тут шведский коллега схватился от праведного гнева за сердце — *любила* Хайдеггера, принявшего нацизм!»

Да, Ханна Арендт, как мало кто раскрывшая в своих исследованиях истоки расчеловечивающей идеологии любых тоталитарных систем, позволила себе с первого взгляда влюбиться в одного из могучих философов нашего времени Мартина Хайдеггера, который *и* был гениальным философом, *и* вступил в нацистскую партию.

Мне вспоминается мысль Аврелия Августина: «Любите, но будьте осторожны в том, что любите».

Великий философ и теолог IV–V веков был прав. Когда мы любим — то, что мы любим, формирует нас, делает, вылепливает. «Исповедь» Августина пронизана его опытом личной любви — той вечной силой, которая управляет Солнцем, Луной и звездами нашей внутренней жизни.

И все же акцент на осторожности в любви — это парадоксально. Ведь любить — значит полностью отдавать сердце на волю стремлений, отчаяния и желаний. Ханна Арендт полюбила неосторожно, но это не мешает мне так же неосторожно любить ее личность и ее философию.

Даже если забыть о том, что любовь Арендт и Хайдеггера началась и закончилась до прихода национал-социалистов к власти, — мы любим человека всегда в его неразделимой цельности. И любовь к Хайдеггеру не бросает тень на Ханну Арендт. Там, где живет любовь,

на полных правах обитают и превратности любви. Ну а я имею счастье восхищаться трудами Ханны Арендт, читать ее и перечитывать. Так устроена любовь.

Ханна Арендт позаимствовала у Августина выражение *amor mundi*, «любовь к миру», которое стало одним из главных понятий ее книг. Если тирания — это лишение субъектности, то любовь к ближнему может стать мощным противоядием от обезличивания. В этом и приоткрывается одна из граней любви как совместности.

Приятие других и себя — путь к преодолению одиночества

Меня редко очаровывают популярные книги по психотерапии. Но нежная книга Лиз Бурбо «Любовь, любовь, любовь. О разных способах улучшения отношений, о приятии других и себя» — радующее душу исключение. Не могу не согласиться с автором, что путь к приятию Другого начинается с побед над собственными страхами.

В том числе — над страхом одиночества и отчужденности. Страх быть непонятым извечно терзает людей, желающих быть свободными и автономными и, одновременно, страдающих от своей автономии.

Не буду ходить далеко за примерами. Обращусь ко всем известному со школьной скамьи произведению Михаила Лермонтова «Герой нашего времени». Вот фрагмент диалога из этой повести:

«— ...я убежден только в одном... — сказал доктор.

— В чем это? — спросил я, желая узнать мнение человека, который до сих пор молчал.

— В том, — отвечал он, — что рано или поздно, в одно прекрасное утро я умру.

— Я богаче вас, — сказал я, — у меня, кроме этого, есть еще убеждение — именно то, что я в один прегадкий вечер имел несчастье родиться».

Вот как! Еще несколько десятилетий до появления Фридриха Ницше (не говоря о Сартре и других экзистенциалистах); еще не раскрыл своих воззрений современник Михаила Лермонтова философ Сёрен Кьеркегор (о котором тот, конечно, ничего не знал), — но что-то

витало в воздухе, и это что-то заставляло совсем молодого писателя выразить в словах неуверенность человека пред лицом собственного бытия.

Человек как жизнь, осознающая себя, неизбежно страдает от своей автономии. Он понимает, что никто не спрашивал его, хочет ли он родиться, умереть, быть одиноким и отчужденным, быть слабым и уязвимым перед другими людьми, природой, обществом. Единственное лекарство против этого — соединение с Другим, прежде всего в любви к нему.

Мастер гуманистического психоанализа Эрих Фромм, с которым я нахожусь в непрерывном мысленном диалоге, пишет об этом:

«Человек лишился бы рассудка, если бы не мог освободиться из этой тюрьмы и дотянуться до других людей, как-то соединиться с ними и с внешним миром».

Чтобы преодолевать свою отчужденность, человек должен *трансцендировать*, что означает — выходить за свои пределы, становиться больше чем собой.

Один из мастеров диалогического персонализма Эммануэль Левинас поставил практическую задачу: как мыслить Другого, не сводя его к неодушевленному объекту? Как не проецировать на него свои фантазии, не видеть всё из себя, через свои фильтры, не навязывать реальности свои представления о ней? Ведь иначе любое познание и наблюдение оказывается формой власти над действительностью, формой насилия. Поэтому, перефразируя Бернарда Шоу, могу посоветовать следующее. *Не делай ближнему то, что хочешь себе*: у вас могут оказаться весьма разные вкусы.

«Если смысл рождается только в смыслонаделении, в процедуре смыслонаделения, а инстанция, наделяющая смыслом, — это Я, познающее Я, то в результате Я оказывается полностью лишено доступа к чему бы то ни было новому, радикально отличному от того, чем оно уже владеет. Познание возможно только как отождествление, как утверждение познавательных возможностей Я, которое оказывается в плену своей собственной внутренней жизни, своих собственных идей и представлений», — пишет Эммануэль Левинас.

Вывести из плена может только тот, кто своим присутствием как бы требует от нас нечего, «пробуждает» наше «я» и заставляет его перестать осуществлять «хватательный рефлекс познания» и выйти наружу, лишиться уверенности в своей непререкаемой правоте. Иными словами, это тот Другой, по отношению к которому мы в высшей степени равнодушны.

Левинас называет это открытие другого «ликом»: лик — это та значимость, которой мы вдруг наделяем Другого, его потребности, его сущность. Когда мы видим лик, мы видим не человека с его плохими и хорошими качествами, социальными ролями и функциями, а просто Другого, вне того или иного контекста.

Лик любимого человека становится путеводной нитью, которая связывает нас с миром. Его видение — тот акт, который нас в этот мир помещает и делает его частью, выводя из сумрака автономного «я».

Невольно вспоминается афоризм легендарного учителя дзэн-буддизма Дайсэцу Судзуки: «Оболочка эго, в которой мы живем, — это самое трудное, из чего можно выйти». Вторя ему, вьетнамский монах, поэт и борец за мир Тит Нат Хан рассматривает, как понятие отдельного, эгоистического «я» противоречит диалогическому потоку понимания — «взаимобытию» (если использовать его поэтический и удивительно точный термин), которое и есть любовь:

«Часто, когда мы говорим: “Я люблю тебя”, мы сосредотачиваемся в основном на идее “Я”, которое любит, и меньше на качестве любви, которая дается. Это потому, что мы поглощены идеей “Я”. Мы думаем, что у нас есть “Я”. Но не существует такого понятия, как отдельное индивидуальное “Я”. Цветок сделан из таких “нецветочных” элементов, как хлорофилл, солнечный свет и вода. Если бы мы удалили из цветка все “нецветочные” элементы, то цветка не осталось бы. Цветок не может существовать сам по себе. Цветок может появляться только во взаимосвязи со всеми ними... Люди тоже такие. Мы не можем существовать сами по себе одни. Мы можем только сосуществовать. Я состою только из элементов, не являющихся мной, таких как земля, солнце, родители